В Национальной стратегии и плане действий по сохранению биоразнообразия в Узбекистане, одобренных правительством в 1998 году, говорится, что заповедники, их развитие и увеличение — единственная возможность сохранить биоразнообразие.

Книга \»Серный рикошет\», издательство им. Гафура Гуляма, 2001г.

В Национальной стратегии и плане действий по сохранению биоразнообразия в Узбекистане, одобренных правительством в 1998 году, говорится, что заповедники, их развитие и увеличение — единственная возможность сохранить биоразнообразие.

Что имеем, о чем мечтаем?

Мечтаем о том, чтобы \»обеспечить единую генеральную линию по управлению биологическими ресурсами страны\». Такова цель Национальной стратегии.

И надо немало потрудиться, чтобы цель стала достижимой. Первый шаг к ней – разработка генеральной схемы развития и размещения особо охраняемых природных территорий.Ее подготовили Государственная инспекция охраны животного, растительного мира и заповедников при Госкомприроде (Госбиоконтроль) и Академия наук. Намечено создание новых заповедников, природных национальных парков, заказников.

Площадь особо охраняемых природных территорий вырастет в 2,5–3 раза и составит не менее десяти процентов территории страны. Так принято в мире, так должно быть и у нас, ведь Узбекистан в 1995 году присоединился к Конвенции ООН о биологическом разноообразии и взял на себя определенные обязательства.А сейчас только 1,8 процента площади республики отведено под территории со строгой или долговременной охраной, относящиеся к двум высшим категориям Международного союза охраны природы. Сюда входят девять заповедников и два национальных парка.

Несмотря на высокий статус, заповедники поделены по разным ведомствам: шесть в Минсельводхозе, два в Госкомприроде, один находится в ведении геологов. В стратегии было указано на это деление как на серьезный минус. Китабский горный разрез охранять могут и геологи – скалы не унесешь. А вот с кого спрашивать неприкосновенность заповедных территорий в Минсельводхозе, задача которого – хозяйствовать?

Законодательно права заповедников защищены, приняты законы: \»Об охране природы\», \»Об особо охраняемых природных территориях\», \»О лесе\», \»Об охране и использовании животного мира\», \»О недрах\» и ряд других. В них подчеркивается, что в заповедниках ничего нельзя делать. Но подзаконные акты нередко противоречат законам.

Основной принцип заповедников — изоляция. Тут важно не мешать естественным природным процессам. В Убекистане \»не мешать\» можно разве что в Гиссарском горно-арчевом – его площадь 81 тысяча гектаров – и с очень большой натяжкой – в Чаткальском горно-лесном биосферном с его 45 тысячами гектаров. Остальные заповедники по площади малы – от пяти до двадцати двух тысяч гектаров. В случае пожара могут выгореть от края до края. Немалые территории пострадали от огня в восьмидесятые годы.

Охраняемые площади должны быть больше не только из-за опасности пожаров. Им вредит миграция вредных веществ. Если Зарафшанский долинно-тугайный заповедник вытянут вдоль реки и ширина его всего пятьсот метров, то вредные вещества сюда заносит и воздухом, и водой. Птицы, рыбы,

другие животные тоже активно мигрируют и хватают \»грязь\». Ход естественных природных процессов явно нарушается. За 30–40 лет состояние биологических ресурсов Узбекистана, как и других стран Центральной Азии, резко ухудшилось. Между тем биоразнообразие в мире признано одним из главных приоритетов, условием устойчивого развития.

Вперед, к устойчивому развитию!

Термин \»заповедник\» в дальнем зарубежье не применяется. Но вот как организовано дело. В любом Национальном парке есть ядро в 70–80 тысяч гектаров, куда даже научным сотрудникам нет доступа. Тут используют дистанционные методы наблюдения – аэрокосмический, телевизионный. А если уж надо облететь территорию, то делают это не на вертолетах, а на воздушных шарах. Так достигается полное невмешательство в экосистему.

Но здесь же, в Национальном парке, есть несколько категорий земель (всего их десять), где разрешается научная, рекреационная, хозяйственная деятельность под надзором специалистов. Еще один вид природоохранных территорий – микрозаповедники для одного-двух видов животных или растений. По площади они могут быть в несколько гектаров. Так в Западной Европе, в Северной Америке, Африке, Юго-Восточной Азии, Австралии.

Что нужно сделать в Узбекистане, чтобы поднять заповедное дело до мировых стандартов? Специалисты Госбиоконтроля считают, что, прежде всего, следует вывести особо охраняемые территории из-под контроля хозяйственников, ликвидировав противоречия в законодательстве. Крайне важно обеспечить заповедники транспортом, средствами связи. Еще одно условие: работать здесь должны люди по меньшей мере со среднеспециальным образованием.

По штатному расписанию их должность звучит так: \»инспекторы специализированной инспекции по охране природы заповедников и национальных парков\». Их задача – и охранять, и проводить наблюдения за ходом естественных процессов. Но очень часто этим занимаются люди без образования. Места ведь удаленные, особо выбирать не приходится. Но, как считают авторы Национальной стратегии по сохранению биоразнообразия, мы в Узбекистане ее не выполним, если в заповедники не придут специалисты.

Еще одно необходимое условие – экологическое просвещение населения. Пока не все поняли, почему важно сохранить биоразнообразие. Люди привыкли брать у природы. Но если не сохранять, не восстанавливать – многое потеряем. В 1983 году в Красную книгу исчезающих видов растений Узбекистана было занесено 163 вида. В 1999 – их 301. То же по животным. Их у нас и так мало. Но в новой Красной книге уже 161 вид. В списке исчезающих видов животных – туркестанская рысь, среднеазиатская выдра, переднеазиатский леопард, гиена, редкая летучая мышь \»длиннохвостая ночница\», бухарский олень, розовый пеликан, мраморный чирок…

Такая убывающая статистика проистекает и от действий чиновников. Вот пример Нуратинского горно-орехоплодового заповедника, образованного в 1975 году. В 1990-м решением Джизакской областной администрации и Министерства лесного хозяйства, бывшего владельца заповедника, четыре тысячи гектаров заповедной земли были отданы под хозяйственное использование. Нарушен закон. Но хотя бы постфактум надо ситуацию исправить – компенсировать потерянные заповедные земли!

Это можно сделать, ведь рядом находится высокогорье Нуратинского хребта, в хозяйственной деятельности практически не используемое. Тяжба тянется не один год: высокогорье относится к Самаркандской области, и им местные власти \»делиться\» с заповедником не хотят. Местничество, чьи-то личные амбиции – очень серьезная угроза для флоры и фауны, препятствие для выполнения международных обязательств.

Но есть примеры и экологически грамотных решений. Единая природоохранная политика проводится в государственном заказнике по охране дрофы-красотки, созданном по инициативе Госкомприроды в 1999 году.

Административно он находится на территории трех областей – Самаркандской, Навоийской и Бухарской. А дрофы-красотки на себе этого не ощущают. Здесь введен запрет на проведение охоты на редкую птицу и регламентирован доступ человека с ружьем. При этом разрешены выпас скота и посевы. Эти территории не изымаются из сельхозоборота, тут можно жить. Но на площади примерно в триста тысяч гектаров проводится мягкая охрана. Заказник вполне соответствует четвертой категории по классификации Международного союза охраны природы.

Среди заповедников стоит особо отметить Чаткальский. В него входят земли трех районов – Ахангаранского, Паркентского и Бостанлыкского. И никому в голову не приходит один заповедник делить на три части. Если есть проблема соседства, то совсем иного плана.

“Пли!” по живности Чаткала?

Весьма условна межа, установленная между Чаткальским государственным биосферным заповедником и соседним охотхозяйством. Звери и птицы о ней не знают. Порезвившись на охраняемых территориях заповедника, перебегают на земли охотхозяйства, под выстрелы. Им не понять, почему справа их охраняют, а слева отстреливают.

Который год этого не могут понять и работники заповедника. Заповедник был создан в 1947 году. Основным его участком являлся Бошкызылсай с более чем двадцатью тысячами гектаров. Но в начале пятидесятых большое советское государство, у которого на первом месте стояли стратегические интересы, изъяло почти половину земли для рудоуправления. Потом руду, которой оказались богаты эти места, выбрали, а земли остались в ведении охотхозяйства военных. Эпоха была милитаризованная, места прекрасные, вот и эксплуатировались безжалостно.

Сходная ситуация, но с другим соседом, сложилась на втором участке – Майдантальском. Он расположен на труднодоступных северных склонах Чаткальского хребта на высотах от 1200 до 3800 метров над уровнем моря. Здесь, в левобережье Кашмансая, примыкает к землям заповедника Бурчмуллинский лесхоз. В поднебесье, среди скал и арчовников, лесохозяйственной деятельности он не проводит. А вот козерогам, снежным барсам, суркам из заповедника здесь привольно. Но территории эти не охраняются, и снова звучит \»Пли!\» по живности Чаткала.

Она замечательна. Животный мир заповедника насчитывает около двухсот видов птиц, 33 вида млекопитающих, 11 видов пресмыкающихся, 4 вида рыб. Есть среди них занесенные в Красную книгу Узбекистана: черный коршун, беркут, стервятник, орел-карлик. Снежными барсами-ирбисами заповедник тоже не очень богат – у кромки вечных снегов обитает всего около десятка особей. Изредка встречается лесная кошка. Есть что беречь.

Когда создавался заповедник, стремились сохранить в неприкосновенности для потомков живую природу. Потому и закрыли для посещения. Здесь проводились только научные исследования. Научные труды, изданные по их результатам, собраны в музее заповедника. А гордостью его работников является то, что поставленная задача в целом выполняется.

На трех участках – Бошкызылсайском, Майдантальском и Янгиабадском – сохранены для потомков более тысячи видов растений, среди них особо редкие тюльпаны Грейга, Кауфмана, мыльный корень,

лук Пскемский, бересклет Коопмана… Здесь можно встретить белокоготного медведя и косулю, кабана и реликтового суслика, лесную соню, зайца-толая. Их и встречают сотрудники заповедника. Встречают и браконьеры.

Беречь от них природу в неприкосновенности все труднее. То, что общая территория трех заповедных участков превышает 45 тысяч гектаров, престижно для республики. В 1986 году на третьей сессии Координационного совета ЮНЕСКО Чаткал был включен в список крупнейших заповедников мира. В 1991 году ему вручен Международный сертификат биосферного заповедника. Но придание высокого мирового статуса вовсе не решает проблем охраны.

Одна из главнейших – нехватка средств. Чаткальский государственный биосферный заповедник прибыли не приносит и в рынок не вписывается. Исходя из рыночных понятий, он – структура убыточная. Финансируется из бюджета по остаточному принципу. Есть районы, где под охраной одного инспектора находятся пять тысяч гектаров. Как остановить браконьеров?!

Под новый 1997-й год в горах выпало много снега. Трудно успеть на выстрелы, но двоих, убивших козла, инспекторы задержали. Штраф, которым можно наказать по существующим тарифам браконьеров, потянул на тринадцать тысяч сумов. Смешное наказание для тех, кто стреляет и попадает.

Перед людьми с ружьями инспекторы беззащитны. Скажем, несколько десятилетий назад охрана заповедника с браконьерами еще могла соревноваться, а теперь отстает по всем позициям. У противной стороны – высокопроходимая техника, современные средства связи. У инспекторов средств связи нет вообще. Когда группа уходит на маршрут на десять суток, о ней нет никаких известий, пока не вернется.

Опасно? Конечно, хотя в свое время в республике изъяли много старого и социально-опасного оружия. Начиная с 1982 года этим занималась Главохота, при которой была создана государственная инспекционная служба по охране животного мира, а с 1988 года – Госбиоконтроль. И сейчас эту работу проводят его инспекторы, проверяя документы на оружие, подтверждение, что оно находится на учете в МВД, что владелец ружья – член одного из охотничьих обществ…

Закон и финансы

Важно не только бороться с браконьерами, но и контролировать законность использования природных ресурсов. Правда, сейчас сложилась непонятная ситуация с надзорными проверками. По всем природоохранным законам они – ежедневная работа Госбиоконтроля. Надо ли от нее отказываться в соответствии с Законом \»О контроле за деятельностью хозяйствующих субъектов\»? Когда инспектор встречает на тропе бригаду сборщиков трав, он ведь не хозяйственную деятельность проверяет.

Обнаружив нарушение закона, инспектор составляет протокол и требует заплатить штраф. Штрафы уплачиваются в банки или в их отделения, поступают в госбюджет и частично на спецсчет для охраны животного и растительного мира. Деньги эти небольшие. Они идут на содержание транспорта, в том числе и гужевого, покупку кормов, седел, подков, приобретение спецодежды и обуви для инспекторов.

Логично, если бы расходы на фураж, транспорт, проведение научных работ финансировались из госбюджета. Но пока в Минфине выделяют деньги только на зарплату инспекторам, причем по одному из самых низших разрядов. Выполнение Национальной стратегии потребует иных финансов. Так, работа на уровне мировых стандартов немыслима без компьютерной базы данных. А сейчас на все заповедные территории Узбекистана есть пара-тройка компьютеров и еще пару компьютеров загружает информацией для \»Летописи природы\» Госбиоконтроль.

“Летопись природы” – вроде дневника

По программе наблюдений за ходом естественных природных процессов в этом общегосударственном \»дневнике\» отмечаются начало и конец вегетации растений, гидрологический режим рек и ручьев, время паводков, листопада, где и когда встретились те или иные растения, животные.

Так из месяца в месяц, из года в год. Собирают информацию инспекторы и сотрудники научных отделов. В Чаткале ее пополняют добавочными данными научные сотрудники Академии наук. В экоцентре \»Джейран\» наблюдения ведут не только биологи самого центра, но и ученые из Академий наук Узбекистана, России, Франции.

\»Летопись природы\» позволяет заметить многие изменения, в том числе вызванные глобальным потеплением климата. Скажем, накоплена информация за двадцать лет по перевалу Музбель – когда выпал первый снег, когда по весне открылся перевал. Очень показательна смена растительности. Десятилетиями отмечали, когда расцветал первый крокус, но теперь есть факты, когда с мест сообщают: \»Крокусов нет\».

Почему? Три года подряд по договору с Госкомприродой в Гиссарском заповеднике работала экспедиция Института ботаники. Ученые провели крупномасштабное геоботаническое картирование. Нанесли на карту все растительные сообщества с привязкой к почвам. Теперь есть основа для научных исследований – можно отследить смену растительных сообществ через 10, 15, 20 лет. Такие исследования необходимы во всех заповедных территориях. Но пока такое же крупномасштабное картографирование растительных сообществ проведено лишь на одном из трех участков Чаткальского заповедника. В 2001-м намечено завершить картирование еще на одном участке. Кстати, в Чаткале повезло птицам. Пять лет здесь работали ученые Института зоологии – выполняли региональное орнитологическое обследование. А в ближайшие два года они начнут изучать зоологию Гиссарского заповедника. Деньги на это выделяются из Республиканского фонда охраны природы.

Исключительно повезло снежному барсу. В 1999 году Гиссарский и Чаткальский заповедники вошли в Международную программу \»Фонд снежного барса\». Из него будут профинансированы работы по определению количества барсов, их перемещениям, режиму дня в его естественных местах обитания.

Научные исследования проводятся только в двух-трех заповедниках Узбекистана. То, что остальные без пригляда, – результат ведомственного деления, нехватки специалистов и финансов.

Кто позаботится о птицах?

С перелетными птицами сложилась особая ситуация. Для своего отдыха они давным-давно выбрали озеро Судочье в Каракалпакстане. Статус озера был определен в 1991 году как государственного заказника, а курирует его, как и большинство других, Госкомприрода. Планируется подписание Узбекистаном Рамсарской конвенции ООН по охране водно-болотных и прибрежных угодий. Тогда Судочье попадет под международную защиту.

Площадь этого заказника – пятьдесят тысяч гектаров, а все девять заказников в республике занимают немногим более 1,2 миллиона гектаров. Вместе с двумя очень небольшими памятниками природы и Республиканским центром по разведению редких видов животных эта категория охраняемых земель составляет 2,8 процента территории страны.

Беда не только в том, что заказники в республике малы, но и в том, что у них непостоянный, иногда сезонный, ослабленный режим охраны. Уязвимы они и потому, что являются частью территории других землепользователей. Хотя на Госкомитет по охране природы и возложена общая ответственность за эти зоны, но местные власти обладают правом прекращения действия спецстатуса. Чем сложней экономическая ситуация, тем сильнее давление землепользователей на заказники. Это касается и Судочьего, и других. Очевидно, что выполнение международных обязательств Узбекистаном потребует их законодательной защиты.

Еще более беззащитны птицы в городах. По данным орнитологов, уже пять-шесть лет назад девятнадцать из двадцати сорочьих гнезд занимали майны! Исчезают не только сороки, но и черные дрозды. Еще недавно на реках и каналах Ташкента пели соловьи. Их нет, как нет и вьюрков. Эти прекрасные певчие птицы с гнездованием на первом ярусе – кустарниках. Кустарники продолжают вырубать, и проблема орнитофауны обостряется. Кто-то может сказать: подумаешь, не стало певчих птиц, обойдемся. Но вспомним, что птицы первого яруса – насекомоядные. Без них не остановить вредителей древесной растительности, первый корм для которых – тополя и карагачи.

Конечно, город – не заповедник, но нельзя не реагировать на сигналы тревоги специалистов, иначе у горожан есть риск остаться в жару на солнцепеке. Хорошо бы привлечь ботаников, чтобы научно обосновали, где что сажать, а затем озадачить озеленителей. Пока сохранением биоразнообразия в городах мало кто занимается. Могли бы координировать эту работу на местах комитеты по охране природы с их инспекциями по охране растительного и животного мира. Но в инспекциях – \»полтора человека\», им бы справиться с порубщиками деревьев и кустарников…

Сохраним ли Ботанический сад?

У сада есть статус особо охраняемой природной территории. Но статус не спасает его от многих бед.

Эта уникальная научно-исследовательская организация Академии наук попала в очень тяжелое положение. Ботанический сад в Ташкенте – музей с богатейшей коллекцией живых образцов растительности, генетическим банком данных. Сейчас из-за нехватки финансирования науки его слили с Институтом ботаники, который может содержать разве что гербарную коллекцию.

Ради пополнения скудного бюджета в Ботанический сад открыли широкий доступ посетителям. А культура у людей низкая – несколько лет потоком люди шли сюда на пикники, оставляя после себя мусор, ломая деревья. Несомненно, саду нанесло ущерб и изъятие более двадцати гектаров под размещение нового зоопарка. Здесь практически все посадки уничтожены.

При этом Закон не был нарушен. Предварительно он был переписан. В Закон \»О земле\» в 1993 году депутаты Олий Мажлиса внесли поправку, давшую правительству право в особых случаях изымать для хозяйственных и иных нужд земли природоохраняемых территорий. Что такое \»особый случай\», в поправке к закону не оговорено. Таким образом, она позволила отрезать кусок земли в четверть Ботанического сада. При сохранении этой поправки заповедники и особо охраняемые природные территории будут и впредь беззащитны – всегда найдется аргумент, чтобы отобрать. Очевидно, к этому вопросу законодатели должны еще раз вернуться.

При этом не надо открывать америк. Можно использовать опыт других стран. Скажем, в законодательстве Германии однозначно сказано про заповедные территории – \»неприкосновенны\», без каких-либо исключений. А в российской столице принят Закон \»О лесных насаждениях Москвы\». И этот опыт для нас тоже интересен. До принятия закона лесополосы растаскивали под бензоколонки за смешные для городского бюджета деньги. После того, как был просчитан ущерб для города из-за

потери биоразнообразия, цена шести соток выросла с десятка тысяч рублей до миллиона. Изменилась цена срубленного дерева.

В Узбекистане нет подобного закона, но если просчитать, во что обойдутся городу потери в Ташкентском ботаническом… Здесь нужна охранная инспекционная служба человек в двенадцать с мобильной связью и тесными контактами с МВД. Нужны средства на восстановление коллекции. Через несколько лет затраты окупятся, ведь в саду создается семенной фонд, проводится селекционная работа, которой республика пользовалась и могла бы пользоваться в будущем.

Еще сложнее, чем в городе, защищать деревья и кустарники вне его. В прошлом году инспекторы выявили порубки тугаев в пойме Сырдарьи. Был определен ущерб, нарушителям предъявлен иск, который поддержала Сырдарьинская областная прокуратура.

В контакте с правоохранительными органами Госбиоконтроль работает и при охране рек и водоемов. Но немало рыбных запасов безвозвратно потеряно. До шестидесятых годов рыбная промышленность была сосредоточена на Аральском море. 25 тысяч тонн давало море в узбекистанской части. Теперь оно утратило рыбохозяйственное значение. Но и в других реках и водоемах рыбы все меньше. С 1992 года объем производства сократился более чем в два раза. Хотя число видов благодаря акклиматизации специально завезенных достигло восьмидесяти, но ряд пород рыб, исконно обитавших в среднем течении рек, исчезает из-за нарушения особых условий для их размножения.

Тут не помогут никакие даже очень энергичные действия Госбиоконтроля и правоохранительных органов. Этот вопрос – государственного масштаба, считают специалисты. То же говорят и про реализацию Национальной стратегии по сохранению биоразнообразия. Реально достичь поставленных целей можно только при активном участии государства, всего населения страны.

Н. Шулепина.
(\»Серный рикошет\», 2001г.)

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Телеграме

Следите за новыми материалами, экологическими новостями и публикациями.

Перейти
На главную В рубрику

Оставить комментарий **Отменить ответ**

Читайте также

Еще статьи из Биоресурсы

Биоресурсы

В Узбекистане запрещена охота на редкие виды диких животных согласно списку

04.08.2026
465 просмотров

Об этом - в Постановлении Кабмина «О мерах по возмещению ущерба объектам животного мира, а также по охране редких и находящихся под высокой угрозой исчезновения видов диких животных» с 1.8.2026 до 1.1.2028 г.

Биоресурсы

Сколько может стоить утрата биоразнообразия?

30.07.2026
411 просмотров

Сокращение биоразнообразия и деградация экосистем могут заметно ухудшить финансовое положение государств, снизить их кредитные рейтинги и повысить стоимость заимствований.

Биоресурсы

Как видит ФАО будущее продовольственной безопасности

12.07.2026
687 просмотров

Сохранение нынешней модели хозяйствования усугубит деградацию почв, ускорит истощение запасов подземных вод и заставит аграриев активнее конкурировать с природными экосистемами за землю и воду.